ISSN 2304-120X
КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал

Бобрихин А. А. Исследование этнокультурных принципов формообразования // Концепт. – 2015. – № 09 (сентябрь). – ART 15310. – 0,5 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2015/15310.htm. – ISSN 2304-120X.

ART 15310 **УДК 130.2:168.522**

Бобрихин Андрей Анатольевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Екатеринбург
uralfolk@mail.ru

Исследование этнокультурных принципов формообразования

Аннотация. *В статье исследуются культурные принципы и рассматриваются процессы, программирующие пространственное поведение человека в среде, и предлагается метод, позволяющий обнаруживать единство принципов пространственного творчества и формообразования в культуре.*
Ключевые слова: *жилище, архетипы пространства, этнокультурные принципы формообразования, внутренняя форма культуры.*
Раздел: *(05) филология; искусствоведение; культурология.*

Немногим менее ста лет назад Освальд Шпенглер заявил: «Дом – это самое чистое выражение породы, которое существует» [1], и предоставил эскиз будущих исследований морфологии жилища. Форма – ключевое понятие всего труда О. Шпенглера, и в разделе «Города и народы» читателю предлагается постичь тектоническую основу каждой породы (в другом переводе – «расы»), органичность и имманентность *формообразующих принципов* каждой культуры. Дом и основные формы в нем – мебель, посуда, одежда, оружие и прочее – обретают свой облик и собираются в целое не по прихоти вкуса, приятности глазу и жажде украшения. Исток этих форм – «первоначальные обычаи и формы существования, брачная и семейная жизнь, племенной распорядок» [2], эти формы «характеризуют не вкус, но навыки борьбы, жизни и работы». *Мощная полнота жизни* по собственным законам оформляет и постройку, и внутреннее пространство, и наполняющие это пространство жизнью предметы; дом – отлитая в формы витальность, манифестация условий и потребностей выживания.

Изучение пород дома как выражение национального характера одновременно и задача, и метод, заявленные Шпенглером, – в той или иной мере декларировались и осваивались последующими исследователями. Разумеется, речь не идет об археологической и этнографической фиксации различных форм жилища в историческом и географическом аспектах, эта работа уже проделана, а памятники и артефакты материальной культуры человечества подробно описаны и музеефицированы.

Нас будет интересовать образ жилища, правила организации и вещного внутреннего пространства как реализация этнической (социокультурной) картины мира, поскольку, «будучи своего рода “программой поведения”, картина мира реализуется как в самом поведении человека, так и во всевозможных результатах этого поведения. Поэтому конкретные мифы, ритуалы, как и другие тексты (в семиотическом смысле этого термина), и в частности жилище, являются не чем иным, как различными реализациями одной и той же картины мира» [3]. В различных этнокультурных ареалах существуют различные *способы организации* интерьера и шире – жилого пространства. Иерархия материального мира, структурирование пространства, расположение вещей и создание облика среды очевидно производны от ментальности, способов схватывания, удержания и интерпретации окружающего мира – картины мира. Более того, в традиционных культурах, архаичных и дописьменных обществах жилое/живое пространство в большой степени суть форма и способ хранения и трансляции картины мира.

Форма и облик вещей и, соответственно, производство, технологии, материаловедение и формообразующие принципы воплощают мировоззренческую систему. Основным условием традиционного формообразования, определяющим облик и качество вещи, является способность вещи участвовать в выражении и материальном воплощении смысла. Мы привыкли к тому, что форма вещи определяется ее функцией. Если допустить, что функция вещи лишь исполнение вещью *назначения* (на-значения – *наделяемого нами значения*), то форма и облик вещи определяются способностью автора и владельца вещи реализовывать эти значения (*реальность* от лат. “res” – вещь), пристраивать их, делать у-местными.

Соответственно, перед нами стоит задача показать примеры и закономерности того, как геофизические и социальные условия порождают, с одной стороны, духовный облик этноса или общества, мировоззрение и способы мировосприятия, а с другой – уникальный способ средового и вещественного существования этого сообщества, воплощающий его духовное содержание.

Несомненно, что самобытные формообразующие принципы присущи каждой культуре. Мало того, некоторые исследователи полагают, что такой системообразующий принцип определяет лицо и уникальность культуры и воплощается во *всех* социокультурных формах – повседневности, искусстве, материальном мире, науке, технике, праве.

А. К. Байбурин полагает, что «все объективированные формы культуры, будь то фольклорные тексты, памятники материальной культуры или социальные институты, имеют общее поле значений, реализуют общую смысловую парадигму, которой руководствуются в своей жизни члены данного коллектива». Обращаясь к общим принципам существования и воспроизводства материального мира, А. К. Байбурин отмечает: «Исследования, проведенные на материале технологических процессов строительства дома, постройки корабля, шитья одежды, создания утвари и т. п. с учетом разных (и во времени, и в пространстве) этнических традиций, позволяют говорить об универсальном характере корреспонденции между создаваемой вещью, строением человеческого тела, социальной организацией коллектива и представлениями об устройстве мира» [4].

А. Я. Гуревич постулирует наличие универсальных категорий культуры, которые в каждой конкретно-исторической реализации образуют «своего рода “модель мира” – ту “сетку координат”, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании», свидетельствуют о «приемах видения мира», присущих данной культуре [5]. В рамках одной цивилизации эти универсальные категории образуют в своей совокупности систему и порождают характерный для этой цивилизации свой особый способ восприятия мира [6].

В. Н. Топоров, описывая мифопоэтическую модель мира как «сокращённое и упрощённое отображение *всей суммы представлений о мире* внутри данной традиции», подчеркивает, что она «реализуется в различных семиотических воплощениях, ни одно из которых для мифопоэтического сознания не является полностью независимым, поскольку все они скоординированы между собой и образуют единую универсальную систему, которой они и подчинены» [7]. Умберто Эко допускает возможность реконструкции «кода», связывающего, определяющего и унифицирующего лингвистические структуры, социальные отношения, коды поселения в «единую фундаментальную структуру» [8]. Г. С. Кнабе находит в различных формах повседневного существования древних римлян некий общий фон и источник – «идеальную модель, точку отсчета и парадигму ценностей» общественного бытия. Исследуя кочевые культуры народов Севера, ненцев и самодийцев, А. В. Головнев обнаруживает «единство в ритме времени и измерении пространства, которое накладывает отпечаток *на все явления ненецкой культуры*» (выделено мной. – *А. Б.*) [9]. Характеризуя традиционное

мировоззрение как целостное и универсальное, этнографы допускают, что в рамках этого способа мировосприятия «мир во всем его многообразии мыслится как проявление в разном “материале” повторяющихся структур, при этом каждая реализация универсальной модели отсылает ко всем прочим реализациям этой же модели» [10].

Схожие положения мы можем найти в трудах О. Шпенглера, К. Леви-Строса, Н. Бердяева, Ю. Лотмана и др. Итак, ряд выдающихся исследователей культуры свидетельствуют о наличии или, по крайней мере, о возможности выделения единой морфологической схемы рассматриваемой культуры, или, по Г. С. Кнабе, *внутренней формы культуры*.

Наш исследовательский интерес ограничен намерением рассмотреть единые для отдельно взятой культуры коды формообразования лишь в сфере пространственных реализаций и материальных воплощений картины мира. Искомое мы назовем *этнокультурные принципы формообразования*, признавая близость других концептов: «внутренняя форма материальной культуры» (Г. С. Кнабе), «способ формосозидания» (У. Эко), «архетипы пространства-вещности», «способы организации жилого пространства». И если отталкиваться от сходной задачи, сформулированной и решаемой А. К. Байбуриным («В своих попытках реконструкции картины мира, и особенно народной картины мира, исследователь имеет дело не со специальными текстами, сознательно описывающими данную картину мира, а с теми, в которых она нашла свое воплощение, причем чаще всего бессознательное воплощение. Задача состоит в том, чтобы проделать обратный путь, т. е. на основе анализа текстов выявить ту модель, реализацией которой они являются» [11]), то наша цель несколько у́же и более частная: «На основе анализа жилой среды и нормирующих её культурных текстов выявить аспекты модели мира, свидетельствующие о законах устройства предметно-пространственного окружения человека». Иными словами, исследовать в первую очередь *реализации* в исходном значении: как овеществления культуры, уникальный способ формообразования и *реальность* как «наличное, ограниченное, определенное *бытие в форме вещей*» (выделено мной. – *А. Б.*) [12].

Исследование направлено на постановку и прояснение онтологических проблем: путем рассмотрения разных (этнических, культурных, социально-антропологических) моделей бытия сквозь *кристалл* и *кристаллизацию* быта (ключевые концепты неоконченной публикации В. С. Библера «Вещь и весть»), предметности жилой среды. Наше исследование не лишено и гносеологической нагрузки. Построение человеком ближайшей предметной среды – динамический процесс созидания и разрушения вещественности, а главное – процесс постижения, применения и проверки неких общих в данном социокультурном контексте правил освоения пространства, а также способов хранения и трансляции этих правил. Исследование, на наш взгляд, должно содействовать ответам на следующие вопросы: 1) какова картина мира, воплощенная в структуре, символах, предметном содержании жилого пространства; 2) как картина мира, специфичная для социокультурной группы (нации, этноса, племени, субкультуры), реализуется в построении, символизации и нормировании жилого пространства.

Предметное окружение человека, наиболее полно воплощающееся в жилище, творимая жилая среда есть проекция его души, склада характера, ценностей, миропонимания (см. К. Г. Юнг, М. Элиаде, Г. Башляр, Г. Д. Гачев, М. В. Осорина и др.).

Производство человеком вещи, обустройство пространства вещами связаны с образом мира, который (образ) наследуется человеком, в котором человек и восприемник, и творец. Принято считать, что эта связь прочнее в архаичных обществах и традиционных культурах, а в современном индустриальном обществе – слабее. Отчасти это так, хотя бы потому, что современный человек не производит подавляющее

количество окружающих его вещей. Но неверно полагать, что человек не обладает предпочтительным образом пространства повседневного обитания, складывающегося из совокупности окружающих его вещей, не ведет постоянно и периодически возникающей селекции окружающей предметной среды. Более того, совокупность вещей, окружающих человека и представляющих некий облик, характеризует его мировоззрение и мироустройство как способ физического осуществления человека в мире.

Активно-практический способ воплощения глубинных схем мировосприятия является ключевым в понимании культуры бытоустройства, диалога человека с физическим миром – пространством, средой и вещественностью, где *телесность* выступает в роли языка – носителя значений. Значимыми являются не только формальные и внешние признаки вещей – форма, конструкция, пластика, цвет, декор, масса, объем и т. п., и даже не связность их взаимного сосуществования и функционирования – художественная гармония, целостность восприятия и ансамблевое единство. Способы проявления человека в среде, поведение, мотивированное вещами, тактики и техники размещения, конструирования и деконструкции предметного окружения, способы создания и внедрения вещей в контекст живого и относительно изменчивого ближайшего пространства, в общем – антропоцентричное материально-телесное существование среды есть тот способ, которым вещь становится вестью, а совокупность вещей – картиной реальности, свидетельством мировосприятия и осязаемым образом бытия.

Понимание этого предъявляет особые требования к условиям и методике анализа, содержанию источников и эмпирических данных. В виде последних приоритет – за качественными методами исследования: включенное наблюдение, описание, визуально-антропологические методы, этнографические свидетельства, свободное интервью представителей исследуемой социокультурной общности и носителей «взгляда со стороны». Статистические же методы – формализованное интервью, анкетирование и т. п. – призваны способствовать верификации выводов и проверке вспомогательных гипотез.

Семиологические методы исследования и интерпретации материальной культуры наиболее широко и разнообразно применялись в отношении одежды (Р. Барт, П. Богатырев, Г. Маслова, С. Адоньева, Е. Ефимова). Распространяя дихотомию Ф. де Соссюра «язык/речь» на другие знаковые системы, исследователи предлагают рассматривать систему моды или традиции этнического костюма в качестве «языка», а индивидуальное воплощение общей схемы, способы выбора элементов из определенного набора, их сочетания и ношения – «речью» (в таком случае практику речепользования «язык» в индивидуальном исполнении назовут «костюмирование») [13].

Если применять соссюровскую дихотомию к анализу жилища, задачей нашего исследования становится выделение «языков» организации жилой среды (причем «естественных языков», внеспециализированных и допрофессиональных). Р. Барт показал, что «язык одежды состоит: 1) из совокупности оппозиций, в которых находятся части, детали “туалета”, вариации которых несут смысловые изменения (берет и котелок на голове имеют разный смысл); 2) правил, в соответствии с которыми отдельные детали могут сочетаться между собой. Речь в данном случае включает в себя все факты, относящиеся к индивидуальному способу ношения одежды» [14].

Принимая схему и логику Р. Барта, предположим, что *язык жилища* состоит:

1) из необходимого и достаточного перечня «групп элементов» жилища (мебель, посуда, интерьерный текстиль, устройства для отопления и освещения и т. п.), правил и способов их сочетания, принципов у-местности – *синтаксис* жилища;

2) вариантов предметного наполнения каждого из локусов, вариантов исполнения каждой функции материей жилища, видов и разновидностей используемых предметов одной функции в границах рассматриваемой культуры (например, возможные места для сна в крестьянской избе, варианты исполнения входа в жилище степного кочевника, разновидности ширм сёдзи) – *парадигматика* мест («мест» – в хайдеггеровском смысле) и *морфология* вещей;

3) общих принципов организации жилища: функциональное, гендерное и символическое зонирование, вертикальная и горизонтальная структуры, способы локализации и маршрутизации. В аспекте языка этот уровень мы бы назвали *поэтикой* жилища, в единичном воплощении – *высказыванием*.

Понятия пространства и субстанции (предмета, материи) будучи одними из главных категорий бытия, являются истоком большого семейства ключевых концептов естественного языка, участвуют в речевой концептуализации окружающего мира. Потому одним из средств решения поставленной нами задачи будут разработка и применение методов изучения лексических, фразеологических и паремиологических источников. Один из ожидаемых результатов применения методов анализа речевых средств – выявление знаковых и заметных качеств и признаков вещей, изучение способа, которым предметы наделяются значимыми признаками или эти признаки подчеркиваются, становятся определяющими в наивной таксономии.

Представления о жилом пространстве, помимо повседневного опривычивающего поведения и разного рода описательных и предписывающих нарративов, рефлексируются и программируются в разного рода обрядово-ритуальных практиках, где и когда требуется артикулировать и оформить пространства и институции, противостоящие жилищу, являющиеся не-домом или домом с противоположным значением (например, «домом» покойника). Проговаривание онтологического статуса дома в той или иной мере происходит (на русском материале) в обрядах жизненного цикла – родины-крестины, свадебных, некрутских и похоронных ритуалах, в народных играх и родительском фольклоре, при строительстве нового дома и переезде в него, при стихийных бедствиях (пожары, наводнения, засухи, эпидемии и эпизоотии).

Эвристически ценно противопоставление состояний «дороги» и «дома» в русской традиционной культуре. Оседлое состояние для земледельца является нормой, путь – промежуточным (лиминальным) или маргинальным состоянием, оттого в фольклоре и обрядах дорога определяется через противопоставление дому: «дорога (как локус и нормативный комплекс) в русской ритуальной и фольклорной традиции получает свою определенность, прежде всего по отношению к дому, как его противоположность» [15]. Однако «дом и дорога связаны как разные полюса единой шкалы», статус дороги в народном сознании, состояние путника подлежат ритуальному оформлению, когда происходит «дематериализация» домашнего предметного мира – «деконструкция домашнего и конструирование дорожного предметного окружения» [16]. Процедуры маркирования, свертывания, а то и разрушения материально-символического наполнения жилища «перед дорогой» позволяют дополнить известные реконструкции дома «как локуса и нормативного комплекса» в русской традиционной культуре.

Противоположный процесс – материализация жилища – происходит в ходе строительства и обживания нового дома, а также в дальнейшем, в ходе повторяющихся обрядов, утверждающих статус дома. Строительная обрядность направлена на актуализации «изначального», идеального жилища, «ритуал строительства ориентирован не на конкретные детали постройки, а на самые общие признаки дома, на образ дома» [17]. Строительные обряды реализуют, то есть воспроизводят в действиях и материале, систему значений, правил и предписаний, имеющую универсальный характер, определяющую

материальную и духовную жизнь сообщества, семейный уклад и трудовые традиции, социальные нормы и вещные отношения. Строительство дома не исключительно утилитарное действие, это символический акт, реализующий духовное содержание, а «жилище – это не предмет, не «машина для жилья», *оно – Вселенная, которую человек создает, имитируя примерное Творение богов, т. е. космогонию»* [18].

Следующая группа методических вопросов направлена на изучение средств реализации «этнокультурного проекта» и их универсальности в рамках исследуемой культуры:

– физические характеристики вещей, пространств и объемов, значимых для воплощения образа жилой среды, как и по каким признакам осуществляется подбор предметов;

– относительно исчерпывающий перечень материально-телесных, кинетически, геофизически и визуально значимых характеристик пространства;

– признаковые и параметрические характеристики пространства в культуре – цветовые и контрастные, линейные и плоскостные, высотные и пустотные, насыщенность вещами или движением и тому подобное.

Приняв допущение, что проектная культура традиционных обществ (этнодизайн) отличается от современной проектной культуры (правил, разрабатываемых и принятых в профессиональных сообществах), мы ожидаем, что понимание схем складывания и логики функционирования жилого пространства, праформ пространства-вещности в традиционных культурах приведет нас к расширению горизонта осмысления предметно-пространственной среды вообще и современной в частности.

Ссылки на источники

1. Шпенглер О. Закат Европы. Города и народы // Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Политиздат, 1991. – С. 23.
2. Там же. – С. 25.
3. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – С. 5.
4. Там же. – С. 16.
5. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – С. 14.
6. Там же. – С. 16.
7. Там же. – С. 677.
8. Эко У. Функция и знак. Семиология архитектуры // У. Эко. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1998. – С. 244.
9. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – С. 201.
10. Шереметьев Д. А. Некоторые аспекты существования вещи в традиционной культуре // Этнографический источник. Материалы Третьих Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб.: РЭМ, 2004. – С. 180.
11. Байбурин А. К. Указ. соч. – С. 6.
12. Пивоваров Д. В. Реальность // Современный философский словарь. – М.; Бишкек; Екатеринбург, 1996. – С. 399.
13. Адоньева С.Б. Категория ненастоящего времени: антропологические очерки. – СПб.: «Петербургское востоковедение», 2001. – С. 115.
14. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 257.
15. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции. – М.: Индрик, 2003. – С. 28.
16. Там же. – С. 107.
17. Байбурин А. К. Указ. соч. – С. 15.
18. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 43.

Andrey Bobrihin,
Candidate of Philosophy, Associate Professor, Russian State Vocational Pedagogical University , Ekaterinburg
uralfolk@mail.ru

The study of ethnic and cultural form-building principles

Abstract. The paper discusses the cultural principles and processes, programming spatial behavior in the environment. The author proposes a method that allows to detect the spatial unity of the principles of creativity in the cultural environment.

Keywords: housing, space archetypes, ethno-cultural principles of form-building, inner form of culture.

References

1. Shpengler, O. (1991) “Zakat Evropy. Goroda i narody”, *Samosoznanie evropejskoj kul'tury XX veka*, Politizdat, Moscow, p. 23 (in Russian).
2. Ibid., p. 25.
3. Bajburin, A. K. (1983) *Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnyh slavjan*, Nauka, Leningrad, p. 5.
4. Ibid., p. 16 (in Russian).
5. Gurevich, A. Ja. (1972) *Kategorii srednevekovoj kul'tury*, Iskusstvo, Moscow, p. 14 (in Russian).
6. Ibid., p. 16.
7. Ibid., p. 677.
8. Jeko, U. (1998) “Funkcija i znak. Semiologija arhitektury”, in U. Jeko. *Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju,* TOO TK "Petropolis", St. Petersburg, p. 244 (in Russian).
9. Golovnev, A. V. (1995) *Govorjashhie kul'tury: tradicii samodijcev i ugrov*, UrO RAN, Ekaterinburg, p. 201 (in Russian).
10. Sheremet'ev, D. A. (2004) “Nekotorye aspekty sushhestvovanija veshhi v tradicionnoj kul'ture”, *Jetnograficheskij istochnik. Materialy Tret'ih Sankt-Peterburgskih jetnograficheskih chtenij*, RJeM, St. Petersburg, p. 180 (in Russian).
11. Bajburin, A. K. (1983) Op. cit., p. 6.
12. Pivovarov, D. V. (1996) “Real'nost'”, *Sovremennyj filosofskij slovar'*, Bishkek; Ekaterinburg, Moscow, p. 399 (in Russian).
13. Adon'eva, S. B. (2001) *Kategorija nenastojashhego vremeni: antropologicheskie ocherki*, “Peterburgskoe Vostokovedenie”, St. Petersburg, p. 115 (in Russian).
14. Bart, R. (1975) *Osnovy semiologii , Strukturalizm: «za» i «protiv»,* Progress, Moscow, p. 257 (in Russian).
15. Shhepanskaja, T. B. (2003) *Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii*, Indrik, Moscow, p. 28 (in Russian).
16. Ibid., p. 107.
17. Bajburin, A. K. (1983) Op. cit., p. 15.
18. Jeliade, M. (1994) *Svjashhennoe i mirskoe*, Izd-vo MGU, Moscow, p. 43 (in Russian).

Рекомендовано к публикации:
Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию *Received*	10.07.15	Получена положительная рецензия *Received a positive review*	13.07.15
Принята к публикации *Accepted for publication*	13.07.15	Опубликована *Published*	28.09.15

ISSN 2304-120X
www.e-koncept.ru

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2015
© Бобрихин А. А., 2015